

С.В. ХОЛЯЕВ

РОССИЯ И СТРАНЫ ЗАПАДА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года

До сих пор в исторической науке продолжают споры о причинах русской революции 1917 г. Очевидно, что одной из них была Первая мировая война. Важное значение для России имели взаимоотношения не только с противниками, но и с союзниками. С 19 января по 7 февраля 1917 г. (все даты приводятся по старому стилю) в Петрограде прошла конференция стран-союзниц. В столицу Российской империи приехали делегации из Великобритании, Италии, Франции. “Это, – как отметил А.Б. Давидсон, – была самая большая конференция Антанты с участием России”¹.

О взаимоотношениях России с союзниками накануне революции можно судить по двум письмам лорда А. Мильнера, военного министра Великобритании. Он был руководителем английской делегации на Петроградской конференции стран-союзниц 1917 г. Первое письмо – Конфиденциальная записка Николаю II – датировано 4 февраля, а второе, адресованное английскому военному представителю в России генералу Д. Хенбюри-Уильямсу, – 11 февраля 1917 г.²

В письме к Николаю II английский военный министр отметил, что для достижения победы в войне союзникам следует совместно вести боевые действия. “Мы, – утверждал он, – столкнулись лицом к лицу с чрезвычайной необходимостью: мы все абсолютно в одной лодке и должны утонуть или всплыть вместе... Россия имеет такие же по величине, а, может быть, и большие человеческие ресурсы, чем остальные союзники, вместе взятые, и ее солдаты сражаются с великолепной отвагой и стойкостью”³. Военная мощь союзников, по мнению А. Мильнера, основана на финансовой помощи Великобритании. Английское правительство вынуждено помогать Италии, Франции и России. Но поддержка английским правительством не может длиться вечно. Финансирование, утверждал военный министр, “требуется на покупку оборудования для нас самих и для наших других союзников. То, что мы тратим на Россию, означает так много потерь для нас и для них”⁴. А потому финансирование военных поставок из Великобритании в Россию будет ограничено.

Подчеркнув, что не может быть и речи о “вмешательстве в дела русских военных властей”, А. Мильнер в письме к Николаю II коснулся внутренней жизни России. Он сравнил работу, сделанную английскими гражданскими институтами, включенными в военно-политическую систему, с Земгором. Работа Земгора была высоко оценена британским министром. Война, по утверждению Мильнера, значительно увеличила

Холяев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Ярославского государственного технического университета.

¹ Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников. – Новая и новейшая история, 2007, № 1, с. 181.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 601, оп. 1, д. 672, л. 1–14; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 1888, л. 115–115об.

³ ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 672, л. 1, 3.

⁴ Там же, л. 12.

объем и полностью изменила характер английской администрации. Привлечение гражданских лиц к управлению улучшило ситуацию в Англии. На помощь правительству пришли многочисленные волонтеры – лица из частного бизнеса, сугубо штатские люди. А. Мильнер предлагал русскому императору присмотреться к английскому опыту. “Я не понимаю, – писал он, – почему тот опыт, который мы получили дорогой ценой, не может быть доступен также и для других. Эти уроки состоят в огромной ценности управления... в нахождении ресурсов в руках лучших экспертов – где бы они не были найдены и совершенно независимо от официальных традиций – и в назначении их на руководящие должности в тех отделах правительственной службы, где технический навык имеет чрезвычайное значение”⁵. Британский министр не видел разницы между техническими специалистами в Англии и либералами Земгора.

В письме к генералу Д. Хенбюри-Вильямсу А. Мильнер дал положительную характеристику генералу М.А. Беляева, военному министру Российской империи. “Я придаю большое значение поддержанию личных сношений с генералом Беляевым, – писал лорд А. Мильнер. – Вы знаете, какая громадная программа по снабжению выработана здесь... Генерал Беляев вполне ознакомлен со всеми ее деталями и имеет в своих руках все нити”. Он опасался, что военный министр Российской империи может уйти в отставку из-за “политических перемен, происходящих в каждом государстве”, и попросил генерала Д. Хенбюри-Вильмса способствовать тому, чтобы М.А. Беляев сохранил свой пост: “Я знаю, как высоко Вы цените генерала Беляева, и как сердечно он работал с нами и с французами, и надеюсь поэтому, что он останется на занимаемом им посту. Если бы Вам представился случай, то я уверен, что Вы не откажете нам в Вашем содействии в этом важном деле”⁶. На одном из приемов Д. Хенбюри-Вильямс показал это письмо британского военного министра Николаю II.

На рубеже 1916–1917 гг. русские либералы подчеркивали свою способность довести войну до победного конца и говорили о необходимости проведения в стране политических изменений. Так, например, депутат Государственной думы, лидер фракции прогрессистов А.И. Коновалов, утверждал, что с существующим правительством победа невозможна и основная задача момента – организация страны, а вывести страну из тупика способна только Государственная дума⁷. На совещании в Москве в конце 1916 г. председатель Земско-Городского союза князь Г.Е. Львов и председатели губернских земских управ обвинили правительство в том, что оно не пошло на совместную работу с Государственной думой. Они полагали, что правительство находится в состоянии борьбы с народным представительством и организованными общественными силами. Правительство увеличивает дезорганизацию всех сторон государственной жизни, преступно растрачивая людские и материальные ресурсы страны⁸. Либералы хотели прийти к власти и провести в стране политические изменения. В августе 1917 г. руководитель партии кадетов П.Н. Милуков признавался: “твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая (1917 г. – С.Х.) наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне пресекли бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования”⁹. Таким образом, конфликт думы и правительства касался не только внутренней, но и внешней политики страны.

В споре царской власти и оппозиции страны Антанты поддержали русскую оппозицию. Союзники опасались заключения сепаратного мира между Россией и Германией. Ходили слухи, что некоторые “члены царской семьи, премьер Штюрмер, бывший глава охраны Белецкий” вступили в переговоры с Германией о заключении сепаратного

⁵ Там же, л. 9–12.

⁶ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1888, л. 115–115об.

⁷ Там же, д. 1744, л. 6–7.

⁸ ГАРФ, ф. 892, оп. 1, д. 67, л. 1–2.

⁹ Там же, ф. 579, оп. 1, д. 6392, л. 1–1об.

мира; в начале 1917 г. они намеревались образовать правительство, готовое приступить к мирным переговорам¹⁰. О намерении России заключить сепаратный мир с Германией писали английские, немецкие и русские газеты. Член французской делегации, приехавшей на Петроградскую конференцию 1917 г., генерал Н. Кастельно обратил внимание на провокационную роль печати в беседе с депутатами Прогрессивного блока. «С одной стороны, – утверждал он, – мы до сих пор не имели случая сомневаться в искренности намерений Русского правительства, а с другой – те слухи... которыми переполнены столбцы заграничных газет, заставляют нас все время быть настороже: германские агенты так долго муссировали различные “новости” о намерениях Царского Правительства, что трудно допустить мысль, будто эти слухи не на чем не были основаны»¹¹. Русская печать: и либеральная, и консервативная, свидетельствовал С.Д. Сазонов, министр иностранных дел Российской империи в 1914–1916 гг., заняла “положение, несовместимое с разумной и справедливой критикой”¹².

К началу 1917 г. стало понятно, что Первая мировая война близится к завершению. С декабря 1916 г. Россия готовилась к весеннему наступлению, которое должно было начаться в мае 1917 г. Предполагалось, что оно, совпав с наступлением союзников, ускорит завершение войны. Немецкому “верховному командованию, – вспоминал заместитель начальника германского штаба Э. Людендорф, – приходилось считаться с тем, что подавляющее численное и техническое превосходство неприятеля в 1917 году будет ощущаться нами, еще острее, чем в 1916. .. Наше поражение казалось неминуемым”¹³.

Еще в 1915 г. Англия и Франция дали России согласие на передачу ей в случае победного завершения войны Константинополя и черноморских проливов Босфора и Дарданелл. Согласие союзников было вынужденным, поскольку к тому времени британский флот не смог единолично захватить проливы. “Британская операция против Дарданелл, – вспоминал английский министр Э. Грей, – почти испортила наши отношения с Россией, где считали... что Англия и Франция хотят выиграть с ее помощью войну, а потом, у ослабленной вырвать Константинополь”¹⁴.

Согласие союзников на передачу проливов и Константинополя не убедило русских политиков в искренности данного обещания. Правительства Англии и Франции не спешили информировать общество своих стран о заключенном с Россией соглашении. Генерал В.И. Гурко на декабрьском совещании 1916 г. в Ставке так определил настроения скептиков, не веривших формальным обещаниям союзников. “Если мы не возьмем Константинополя, то никто не станет нам брать его... Если все территории будут очищены от немцев, а Константинополь не будет нами взят, то едва ли нам его отдадут”¹⁵. В тайне от союзников Россия готовила специальную операцию на Босфоре¹⁶.

Великобритания заключила соглашение о передаче проливов с царским правительством. Англичане не могли отказать в передаче проливов Николаю II. Однако в британской прессе преобладало мнение, что передавать проливы России не следует. По мнению британской прессы, Россия, добившись усиления по итогам войны, разрушит систему европейского равновесия и займет доминирующее положение в Европе. Единственный выход виделся в отстранении русского императора от власти.

В 1916 г. в Лондоне состоялась встреча П.Н. Милюкова с российским послом А.К. Бенкендорфом. Посол сообщил лидеру кадетов об ухудшении отношений между Россией и Великобританией и о желании англичан вновь “поднять вопрос о Константи-

¹⁰ Порохов С. Битва империй: Англия против России. М. – СПб., 2008, с. 193.

¹¹ ГАРФ, ф. 111, оп. 5, д. 664, л. 87–87об.

¹² Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991, с. 360.

¹³ Людендорф Э. Мои военные воспоминания 1914–1918 гг., т. 1. [б.м.], 1921, с. 294.

¹⁴ Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990, с. 66.

¹⁵ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1017, л. 160.

¹⁶ Босфорская операция осталась на бумаге (в июне 1917 года Россия наметала занять Черноморские проливы). – Военно-исторический журнал, 1995, № 1, с. 61, 66.

нополе”. П.Н. Милюков был уверен, что препятствием для передачи проливов России после войны является “германская партия”. По возвращении в Россию, он развернул в Государственной думе кампанию против власти. Он был уверен, что “штурм власти” приближает Россию к обладанию проливами¹⁷.

В действительности все обстояло наоборот. К “германской партии” англичанами причислялись люди, обладавшие реальной способностью отстаивать государственные интересы страны в случае конфликта с Великобританией на послевоенных мирных переговорах. Царская Россия с 1915 г. осознала неизбежность углубления противоречий на завершающем этапе войны. Начальник главного артиллерийского управления А.А. Маниковский ожидал, что во время выработки условий мирного договора начнется беспощадная борьба и в ней каждый из бывших союзников окажется “предоставлен своим собственным силам”¹⁸.

П.Н. Милюков понимал, что “штурм власти” негативно отразится на способности России продолжать войну, но надеялся, что союзники поддержат Россию с измененным социально-политическим строем, близким к западным моделям: “на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что... если не своими руками, то руками союзников добьемся, победы над Германией, заплатим за свержение Царя лишь временной отсрочкой победы”¹⁹. У оппозиционеров в России произошла переоценка целей – свержение собственного правительства стало задачей более важной, чем достижение победы в войне.

В конце войны оппозиция все заметнее стремилась вовлечь во внутрироссийский спор о том, какая власть нужна России, официальных представителей союзных государств. Сотрудничество с оппозицией послов Великобритании и Франции было неоспоримо. Сами послы объясняли контакты с оппозицией предельно просто: они гасили конфликт, грозивший перерасти в революцию, и цель их политики заключалась в недопущении революции.

Английский посол Д. Бьюкенен отрицал свою причастность к содействию революции. Он признавался, что его сотрудничество с либералами объяснялось симпатиями к этой политической силе²⁰. Политические деятели с оппозиционными взглядами не скрывали от союзных дипломатов планов, предполагавшихся ими выступлений против правительства²¹.

Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев в своих воспоминаниях отрицал факт вмешательства Англии в русские дела. “Русская революция была созданием русских рук”²². Анализируя предреволюционную ситуацию в России, лидер большевиков В.И. Ленин дал дипломатии Антанты категоричную оценку. Положение, при котором дипломаты, прибыв во время войны в союзное государство, поддерживают не правительство той страны, при котором они аккредитованы, а оппозицию, называется заговором. И, следовательно, действия дипломатов Антанты нужно рассматривать как “организацию заговора против Николая II”²³.

Великобритания и Франция стремились к быстрому завершению войны. В начале февраля 1917 г. русский представитель в Англии К.Д. Набоков сообщил в Петербург о том, что британский главнокомандующий Д. Хэг дал в Лондоне необычное интервью

¹⁷ Грушина В.Ю. Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны (август 1914 – декабрь 1916 г.). Дисс. к.и.н. Томск, 2002, л. 193–194.

¹⁸ Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004, с. 23.

¹⁹ ГАРФ, ф. 579, оп. 1, д. 6392, л. 1.

²⁰ Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918 гг. М., 2008, с. 271.

²¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967, с. 308.

²² Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – Вопросы истории, 2002, № 9, с. 70.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 31, с. 15.

французским журналистам. Он заявил, что на Западном фронте в скором времени будет достигнута полная победа: “Мы будем бить немцев до полного уничтожения их армии”²⁴.

Англичан волновал вопрос: сможет ли Россия продолжить войну в случае изменения политической системы в стране? 27 января 1917 г. в Москве лорд А. Мильнер заявил, что главная цель союзников – достижение победы²⁵. Вместе с тем, союзники давали ясно понять, что их симпатии всецело на стороне оппозиции, одновременно предупреждая, что условием смещения Николая II должно стать сохранение стабильности в стране, готовность России быть надежной союзницей в войне.

Однако прежде чем решиться на применение крайних мер, союзникам нужно было выяснить, возможен ли компромисс между императором и оппозицией. Записка лорда Мильнера русскому императору была попыткой достижения такого компромисса. Николай II ответил на содержащееся в записке предложение вовлечь либеральные организации (Земгор) в процесс перераспределения иностранных военных поставок вежливым отказом и не пожелал давать конкретных обещаний относительно сотрудничества с оппозицией. Мильнер впоследствии утверждал, что ему не удалось “вдолбить” с помощью записки то, что ему хотелось “вдолбить”²⁶.

В Англии после Февраля говорилось о неких особых полномочиях, якобы данных на конференции Мильнеру. Хорошо осведомленная английская газета “Манчестер гардиан” приводила предполагаемое содержание бесед Мильнера с царем, утверждая, что лорд высказывал пожелание создать ответственное правительство во главе с С.Д. Сазоновым, с одновременным назначением его же министром иностранных дел. Достоверность данного предположения подтверждают слова министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура, обращенные к обозревателю “Таймс” полковнику К. Репингтону, близкому к правительственным кругам. “Монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем Мильнер сделал царю”. Провал миссии Мильнера, по словам газеты, окончательно убил надежды на возможность контакта с царизмом и заставил русскую оппозицию “искать свой путь к свободе”²⁷.

Таким образом, царское правительство было недостаточно зависимо от “союзников” и эти расхождения должны были проявиться на завершающем этапе войны. Поэтому англичане и стремились сменить к концу войны российское правительство, приведя к власти людей, не способных противостоять их замыслам. К новой российской власти предъявлялось лишь одно требование – продолжать войну. Руководители англо-французского альянса рассчитывали, что либералы смогут выполнить данную задачу. Ведь планы кампании давно разработаны, и все генералы, оставшись на прежнем месте, спокойно доведут войну до победного конца.

²⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1888, л. 96.

²⁵ Дякин В.С. Указ, соч., с. 308.

²⁶ Алексеева И.В. Указ, соч., с. 247–248.

²⁷ Там же, с. 243–244.